

А.Н.Савельев
ВРЕМЯ РУССКОЙ НАЦИИ (фрагмент)

Заказ электронной версии у автора - savliy@gmail.com
Цена - 50 р.

Содержание

Политика, идеология, мировоззрение

Политическое мировоззрение

Политика как миф

Политика как конфликт

Политика как столкновение идеологий

Переоценка ценностей

Служение нации

Высшие ценности

Империя и Традиция, Право и Диктатура

Кризис республиканизма и правопреемство от Империи

Право без Традиции хуже, чем Традиция без

Права

Диктатура и задачи кризисного управления

Пропаганда и государство: вместе и порознь

Теоретические основы русской государственности

Империя как необходимость

Нация под угрозой

Русский апокалипсис сегодня

Россия пьяная против России трезвой

Сберечь нацию!

Репатриация вместо иммиграции, соотечественники вместо гастарбайтеров

Сражайся духом и мечом!

Кондопога – рождение нации

Русская политэкономия

Из порядка в хаос: фабрика рыночной спонтанности

Богатство и бедность

Олигархический капитал, рента и труд

Реприватизация или деприватизация?

Национальное государство и экономика

Хозяйственный суверенитет и экономические фикции

Экономический национализм

Русский прорыв

Современная русская мысль

Универсальный нигилизм

Родное и всемирное в условиях глобального кризиса

Стратегическая политология

Настоящий консерватизм: проникновение в смыслы

[Возвращение расологии](#)
[К социобиологической концепции истории](#)

[Ответ либеральным клеветникам](#)

[Либеральный стриптиз](#)

[Интеллигенция и ее «религия»](#)

[Реализм науки и публицистический произвол](#)

[Заговор праздномыслия](#)

[Комсомольцы без кавычек](#)

[Зачем нас оклеивают свастиками](#)

[Ответный сеанс психотерапии](#)

[Расология и либеральные недоумения](#)

[Шок патентованных либералов](#)

[Шипенье из паучьих гнезд](#)

[Партия клеветы и ее пешки](#)

[Либеральный фашизм выползает из Кремля](#)

[Очерк русской идеологии](#)

[После публикации](#)

[Евродонос](#)

[Ответ автора](#)

Политика, идеология, мировоззрение

Политическое мировоззрение

Тотальная деполитизация мировоззрения может рассматриваться как задача, поставленная разрушителями России. Вирус деполитизации лишает мировоззрение гражданина важнейшей составляющей, формирующей поведение полноценной личности и, в конечном итоге, полноценное общество.

Современность представляет нам мир человека, переполненным фикциями. Личность становится марионеткой, игрушкой в руках административной системы. Деполитизированными людьми манипулируют те, кому довелось стать монополистами в политике, расчистив себе пространство действий.

Конституционная норма о том, что государство не может иметь идеологии, появилась в период, когда правящие «верхи» особенно интенсивно терзали Россию и для этого особенно энергично требовали всеобщей деполитизации. Теперь норма о деидеологизации закрепилась повсеместно и стала официальной догмой. В том числе и в системе образования, где идет формирование личности. Вместо знания и понимания собственного государства, собственной нации образование теперь дает человеку скудный набор истин о правовом государстве и правах человека, по форме напоминающий марксистско-ленинскую догматику. Надежда на исправление ситуации может быть связана только с тем, что по степени идиотизма либертарная риторика уже приблизилась к прежней системе коммунистического партполитпросвета.

Кончено, изжить природное правдолюбие русских людей правящей бюрократии не удалось. Карикатуры на политику и политические шоу за десятилетие наскучили, и русский человек снова начал искать смыслы бытия. На это явно указывают данные социологии – либертарные догмы, принятые почти всем обществом в начале 90-х годов XX века, в начале XXI века стали достоянием маргинальных кругов. Которые, впрочем, до

сих пор владеют львиной долей национального достояния, властью и практически всеми средствами массовой информации.

Разрыв между материальными и духовными основами жизни общества рано или поздно будет преодолен. Вопрос о том, как и когда это произойдет, является вопросом жизни и смерти для России. Навязывание плебейского мировоззрения и выхолащивание национального самосознания, угнетение исторических традиций, приведет страну к окончательному краху, все признаки которого за десятилетие прошли перед нашими глазами и сегодня вновь потрясают общество до самых глубин – новыми рецидивами «шоковой терапии». Именно в связи с очередным обострением тяжелой болезни, которую переживает Россия, либеральные догматики предпринимают тотальное наступление на общественный интерес, более всего выраженный в образовании и науке.

Бисмарку приписывают афоризм о том, что школьный учитель выиграл войну. Наш школьный учитель получил профессиональные установки от либеральной профессуры. Россия проиграла и проигрывает информационную войну, сдав противнику подготовку тех, кто готовит учителей. Нищий профессор ищет зарубежных грантов, а не продолжения национальных научных традиций. Нищий учитель ищет средства к существованию, но не воспитывает и не просвещает наших детей. Захват национального достояния олигархами сделал учительство, как и другие профессии, где должен формироваться и защищаться общенациональный интерес, материально необеспеченным и втянутым в коррупционные отношения.

Общественные науки, которые должны были возродиться после длительного периода коммунистического догматизма, сегодня подавлены либерализмом самого примитивного свойства. Особенно это касается политической науки, где словоблудие стало выдаваться за мудрость, а законодателями научных мод объявляются острословные публицисты. Настоящая наука задавлена нищетой и погребена под пластами низкосортной публицистики.

Глупые новации обрушились на политологию, превратив ее в большинстве проявлений в антигосударственную или просто праздную мысль. Столетия интеллектуального напряжения лучших умов человечества теперь составляют предмет для уничижительной критики либо избирательного цитирования вкупе с недобросовестными интерпретациями. Например, о том, что история, и научная мысль, будто бы, говорят против государства как такового, изобличают его тираническую природу и противность любой общественности. Правящие «верхи» делают вид, что все русское общество уже поверило в это. Имитируется всеобщее согласие на устранение государства и сохранение лишь его остова – тунейдской группировки, живущей за счет сбора налогов и превративших государственную систему в свой частный бизнес под охраной полицейских сил.

Хотя в политологических учебниках понятие «государство» все еще считается центральным, в последние годы стремительно накапливается псевдонаучный материал, где это понятие отодвигается на второй план: якобы, государство – вымирающая сущность, лишняя в современном мире. Его замещают «федерализм», «глобализация», «мультикультурализм», «культура мира» и пр. И даже если на слуху высказывания высших чиновников об укреплении государства, реальная политическая практика – это «вхождение в цивилизованный мир», «развитие федерализма», «общечеловеческие ценности» и т.д. Наука о государстве в современном мире сильно угнетена – с одной стороны, публицистикой, паразитирующей на антигосударственных темах, с другой, – новомодными веяниями, предвещающими конец государства в силу его ненужности в эпоху глобализации.

Полисная система отдаленных эпох восстанавливается в новом виде – без естественной социальной иерархии, жизнеутверждающего социального мифа, полноправных граждан, без государства. Территориальное государство медленно умирает, не умея защититься от наплыва виртуальных практик, изводящих под корень волю

граждан к реальной государственной жизни. Нарастающая численность бюрократии, рассеивающей политическую энергию в усложняющихся бессмысленных процедурах, стирает из сознания смысл человеческой коллективности – индивидуализм сопровождается ростом паразитического слоя, обслуживающего политические имитации взамен реальных политических процессов. Место гражданина – общественного существа – занимает «политическое животное». В таком распаде социальности иным «ученым» видится особая новизна,двигающая их к пересмотру всех прежних достижений человеческой мысли и обнаружению современности как изолированной от истории реальности, которую следовало бы даже называть «постсовременностью».

Антигосударственная направленность современной политической науки требует одновременно восстановления в правах прежних представлений о государстве (только таким образом можно вспомнить о способах обеспечения жизнеспособности государства) и своеобразной «консервативной революции» – решительного возвращения к истокам знания и критического пересмотра множества новаций.

Кража смыслов, ставшая болезнью российской общественности, грозит любому понятию, прежде всего, со стороны примитивных либерально-гуманистических интерпретаций, которые перед лицом неизбежного снятия идеологических табу перехватывают политический дискурс и пытаются притянуть любое свежее слово к пропавшим двухсотлетним нафталином идеям Французской революции и эпохи Просвещения.

Удаление большинства граждан из политики, подмена политики участием в бессмысленных и безрезультатных выборах приводит к нигилистическому отношению к государству. Соответствующие умозрения материализуются в законодательной практике и деятельности административного аппарата, подминающего под себя все элементы государства. Для обоснования антигосударственного, абсурдного законодательства, уже успевшего сложиться в систему, которую нельзя улучшить частными поправками, широко привлекается научная харизма – специалисты различных отраслей права и политической науки, которые живут «под собою не чуя страны».

Уберечь разодранную смысловую ткань науки о государстве, восстановить значение понятий в их системной взаимоувязке – требование времени и той общенациональной катастрофы, ощущение которой уже несколько притупилось. И основная задача – объединить нацию и государство, отлученные друг от друга и оплеванные в многотиражной публицистике и на страницах учебных пособий. Причем таким образом, чтобы вторичным результатом не оказалось разрушение апологетической концепции российской истории и русской культуры. Обратное означало бы предательство своего народа и собственного государства, на которое так легко идут иные критики российского исторического опыта и неонигилисты, которым не жалко даже тех остатков былого величия России, которые еще просматриваются.

Консервативная реконструкция государства сначала в теории, а потом в практике противодействия разлагающему нигилизму и анархизму, требует энергичного обращения к понятию «нация», еще только приобретающему в публицистике и науке позитивную смысловую нагрузку, а до этого употребляемому исключительно в негативистском ключе. Мысль о нации должна подкрепить мысль о государстве и придать последнему сущностную определенность и конкретность прикладных аспектов, необходимых для видения стратегических перспектив России и предметной политической парктики.

Возрождению политической науки и политического образования может послужить изгнание из нее либеральных правовых догматов. В рамках права не происходит ничего существенного, правом история не делается, а только оформляется. Мы и в повседневной жизни живем обычаями и привычкой, но не законами, о которых мало что знаем. Нас ведет социальный и нравственный закон, а не правовая норма. Закон несовершенен, он то и дело попадает в руки бюрократии и становится оружием, направленным против граждан. Тогда защита государства и нации состоит в том, чтобы прервать тупиковую

правовую традицию. В этом и есть «консервативная революция», революция возрождения, которая в отличие от преступного мятежа всегда противоположна либеральной модернизации. В истории России возрождение всегда так обновляло жизнь, что страна шла вперед семимильными шагами, попытки же насаждения умозрительных идеологий (включая правовое их оформление) оборачивались смертоубийствами и застоём – утопические модернизации, обоснованные потоком словоблудия, не раз заводили страну в тупик.

Мировоззрение личности подрывается навязчивым экономизмом мышления, который чаще всего сводится к тезису, что «экономика – лучшая политика». В переводе на общепонятный язык это означает, что с делами нации лучше всего управятся сегодня те, кто получил образование в зарубежных экономических университетах или обучался по подготовленным там программам и учебникам. Будучи не известными большинству граждан, соответствующие экономические теории требуют от них только одного: безграничного послушания. Ведь все эти теории считают себя таким тонким (и одновременно уникально плодотворным) инструментом, что на практике чают невиданной чистоты воплощения – повсеместной и строжайшей реализации, несовпадением с которой всегда объясняются все неудачи либеральных реформ. А кроме неудач у либералов нет ровным счетом ничего.

Либеральная бюрократия стремится подавить мировоззрение гражданина, создавая мифологию вокруг разнообразных оракулов правовых и экономических воззрений определенного типа. Чтобы доверие к этим оракулам было безграничным, внедряется также расслабляющий культурный код непротivления чужим ценностным системам. Причем скорее той их части, где общий принцип непротivления превращен в догму о непротivлении злу. Все зло мира описывается теперь принципами мультикультурализма, постмодернистским разнообразием. От этого политика лишается основного своего содержания – конфликта. Политикам настоятельно рекомендуется уклоняться от конфликта любой ценой, а гражданам внушается пораженческая мораль: «лишь бы не было войны». В то же время реальная политика – жестокая схватка, а не консенсусы и толерантности. Повторять застарелые идеи «естественного права» после опыта XX в., после разрушения нашего государства, рассыпания его из континента в архипелаг – преступление перед Родиной.

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда политические условия диктуют выбор научной позиции: либо она носит ликвидаторский по отношению к государству характер и доказывает неизбежное торжество единственной модели модернизации (вестернизации) российского общества, либо это позиция оборонческая, в некотором смысле автаркическая, стремящаяся выявить мобилизационный потенциал нации за счет обращения к ее истории и к позитивным истолкованиям черт российской самобытности. В первом случае неизбежна этатизация политической практики, следующих при этом ликвидаторской политической философии. Во втором случае речь идет о создании современной российской нации, мобилизации государства на решение этой задачи и о средствах защиты российского государства-нации, государства-цивилизации. К этой задаче должны быть привлечены система образования, наука, средства массовой информации. Только в общем усилии эти институты государства (а они должны быть именно государственными, общенациональными) возможно провести Россию между бюрократической косностью и антигосударственным нигилизмом – Сциллой и Харибдой либерального догмата.

Те политические режимы, в которых нет внутреннего ощущения самобытности, нет глубоких культурных корней, обречены подчиниться веяниям глобализации и встроиться в общемировую колониальную систему в качестве несамостоятельного образования, управляемого местной бюрократией, получившей территорию в «кормление» от мировых центров силы. Напротив, самобытное государство со сложившейся политической нацией будет эффективно сопротивляться попыткам внешних манипуляций и ренегатству

собственного чиновничьего аппарата. У России, как у «мира миров», есть все шансы для успеха такого противостояния, обеспечения достойного будущего и существенной роли в мировых делах. Исторический, человеческий, ресурсный потенциал создает основу для того, чтобы в России быстро сформировалась нация-государство: чтобы бюрократия утратила свои доминирующие позиции, а нация нашла в себе силы для отбора «ведущего слоя» – политического класса, защищающего национальные интересы и суверенитет нашей страны.

Будущее России во многом связано с тем, что скажет профессор будущему учителю, а тот в свою очередь – ученикам. Мы можем отстоять Россию, если отстоим приверженность университетского преподавателя и школьного учителя ценностям русской цивилизации и русской культуры. Фактически речь идет о восстановлении традиции русской нравственной философии как базиса любого гуманитарного знания. Только научная традиция может вывести нас из мировоззренческих тупиков XX века.

Особенность российской ситуации состоит в том, что нации предстоит вспомнить государство как таковое, отличив актуальную ситуацию от той, которая защищает гражданина выгодным ему государственным строем бытия. Мы должны почувствовать, что государства вокруг нас нет – нет того защитного покровя, который должен отражать или смягчать львиную долю опасностей. А затем понять, что такое было классическое государство в его самобытном российском виде. Без этого, все разговоры о праве и социальной защите останутся всего лишь сотрясанием воздуха или, прямо говоря, наглой ложью. Наиболее важные признаки государства как будто нарочно вычеркнуты из учебников и изгнаны из системы образования. Положенное для нормальной жизни общества знание заменено неким «конституционным правом» – шелухой, которая выветривается из головы, как только человек сталкивается с реальной жизнью.

На гибельном пути мы уже сделали немало шагов к «концу истории» для собственного народа. Русские слишком много отдали в прошедшие годы – даже собственное государство. И теперь, чтобы спастись, остается только возвращать «наши пяди и крохи». Прежде всего, отнимать у глобализирующейся и этнизирующейся бюрократии наше государство, у олигархии – наше национальное достояние, а у прислуживающих антинациональным силам интеллектуалов – право выступать от имени науки. Только так мы сможем возродить политическое мировоззрение, восстановить защитные механизмы государства и образовать из атомизированного общества дееспособную и самобытную российскую политическую нацию.

[К Содержанию](#)

Политика как миф

Обыденное представление о политике в современных условиях чаще связано с постоянным присутствием “второй реальности” средств массовой информации, которая по степени воздействия на сознание человека далеко обгоняет его личный опыт и дискредитирует знания, полученные в процессе образования и самообразования. Вместе с тем, установка зрелой личности состоит в том, чтобы разобраться в политических процессах, воздействующих на его жизнь и жизнь общества в целом.

Попытка найти в словарях и энциклопедиях ответ на вопрос, что такое политика, обычно не дает позитивного результата. Научоподобные формулы имитируют определение и не открывают сущности процессов, ежедневно затрагивающих гражданина.

Парадокс состоит в том, что с научной точки зрения вопрос о глубинных основах политического мировоззрения не может быть решен до конца. Его природа такова, что он переоткрывается на каждом этапе общественного развития, постоянно возвращая ученых к поиску философских оснований политики – в истории, в психологии, в социальных условиях. Наиболее дальновидные выводы об истоках и сути политического в содержательном отношении куда сложнее, чем соображения здравого смысла, которыми

часто пользуются для аргументации своих программ политические партии-однодневки. Системное видение политического измерения общества, напротив, требует философских обобщений, касающихся природы человека, сущности человеческой цивилизации и особенностей национальной истории. В некоторых важнейших для человека аспектах жизнедеятельности он и по сей день остается близок своим древнейшим предкам, для которых мифы были насущной реальностью, переданной современным поколениям уже в виде архетипов, психики и основ мировоззрения.

Политологи мечутся между признанием реальности политического мифа и его отвержением как не соответствующего их рациональным представлениям о действительности. Возникает миф об отсутствии политического мифа, миф “неполитической политики”, деполитизированного государства, недискутирующего парламента и т. д. В то же время действительность не желает быть разумной, а разумное никак не обретает формы действительного – иррациональность обескураживает повсеместным вторжением в политическое. Поэтому, пока мы не признаем действительность политического мифа, невозможен никакой политический проект, в котором рационально учитывается иррациональность современной политики, ее подверженность древним архетипическим мотивам.

Политика постоянно сталкивается с проблемой мировоззрения – вплоть до представления о “картине мира”, которая диктует политику его поведение и определяет его публичную риторику. Одно дело, если “картина мира” определена куцым рационализмом, рассчитывающим сиюминутный баланс затрат и прибылей. Другое дело, если политик исходит из национальной традиции, стремясь освоить все ее богатство и зная за ее символами глубокие смыслы.

Вопреки очевидным историческим реальностям многие считают, что любое общество развивается по универсальным законам, которые всюду действуют одинаково. В отличие от такого “профанного” представления, мировоззрение человека политического – т.е. обозначающего себя в обществе не столько погоней за личной выгодой, сколько стремлением к удержанию актуального культурно-исторического единства (нации, страны, государства, языка) – должно выделять в социальных коммуникациях именно то, что создает национальное единство, национальную идентичность. А коммуникация – это потоки символов и означаемых ими образов и смыслов. Без общезначимых символов вообще невозможно никакое социальное единство – социальных групп, партий, наций. Все это говорит о существовании политического мифа, формирующего не только сознание отдельной личности, но и то единство, которое называется политической нацией.

Утверждение общезначимых политических символов исключительно важно и для государства. Власть не может обеспечить добровольной лояльности граждан, не способствуя выработке принимаемых большинством объединяющих символов или уступив информационное пространство другим инициаторам символической политики и политических мифов. Власть, осуществляя присущие ей функции, может и должна, как пишет немецкий философ Николас Луман, быть медиумом (посредником) коммуникации. В связи с этим государство должно если не само продуцировать политические мифы, то проводить их селекцию, которая дает преимущество тем мифам, которые адекватны традиционному социальному и нравственному укладу общества и фактически воспроизводят общество как целое в новых поколениях. Если же продуцируемые государством политические мифы расходятся с национальной традицией, такое государство в полной мере можно считать чуждым народу, противным «душе нации».

Политика является пространством конкуренции политических мифов и соответствующим им “картин мира”. Сознательная позиция гражданина по отношению к политике возможна только когда многообразие частных мифов “политических героев” будет соотноситься с гражданской мировоззренческой позицией и сознательным отношением гражданина к тем мифам и лжемифам, которыми его пытаются привлечь на свою сторону.

Политическая конкуренция всегда выливается в конкуренцию мифов, культурный миф приспособляется к политическим целям. На одном и том же культурном основании может строиться как традиционализм, так и нигилизм. Политическая мифология становится инструментом, вполне осознанно задействованным в информационных войнах и основанным на знании человеческой природы. Политика, таким образом, является рациональной формой использования иррациональной сущности масс, которые свои интересы готовы осознавать только в ярких образах и мистических откровениях. В нигилистическом варианте политика подменяет собой веру, дает человеку ложное представление о сущности его связи с социальным Космосом, предлагает обрушить традиции в пользу новации. В традиционализме вера стоит впереди политического мировоззрения и предопределяет его, политика в целом и политические новации становятся продолжением традиции.

Политический миф (как и миф архаический) характеризуется определенным набором компонентов: картиной мира в виде мифологизированной концепции социальной Истины (основаниями справедливости), точкой во времени, связанной с истоком национальной истории и культуры, моментом их высшего прославления или тяжелого увечья (аналог инициатического переживания в мистическом ритуале – избранная слава или травма), образом будущего (понятым как возвращение к истокам Золотого Века) и глубокой оппозицией “мы–они” (аналог мифической оппозиции Добра и Зла).

Следовательно, задача политического образования и просвещения состоит в том, чтобы так развернуть символическую и сюжетную ткань политической мифологии, чтобы она стала адекватным современности продолжением национального культурного мифа. Тогда политика перестанет восприниматься как “грязное дело”, политическая история – как омертвевший перечень событий прошлого. Осознанный миф становится в этом случае частью культурного языка, продолжением литературы с ее этическими сюжетами, продолжением традиционной религии с ее нравственными уроками и масштабной картиной мира, национальной и мировой истории. Те современные политические мифы, которые исключают опору на религию, оказываются куцыми, в чем-то повторяя мифологию языческих богов, которые в глазах людей старели и уступали первенство новым богам, превращаясь в демонов. Политический миф всегда неполон и всегда уязвим, коль скоро он не восходит к абсолютному мифу, о котором писал величайший русский философ XX века А.Ф. Лосев. Любая мировая религия встраивает свои священные символы в матрицу абсолютного мифа (пусть и не всегда заполняя ее полностью).

Если задача архаического мифа состояла в том, чтобы любое социальное действие воспроизводило космогоническую модель мира (т.е. восстанавливало мировоззрение), то культурная задача политического мифа состоит в восстановлении социальной картины мира, разрушенной во время социального катаклизма, который, очевидно, переживает наша страна, да и весь мир с его глобальными проблемами. Политический миф выстраивает некую идею-истину, лежащую в основе картины мира. Сама же картина мира выстраивается как образ будущего через возврат к истокам. Возникает феномен “вечного возвращения” – цикличности восприятия истории, в которой возможно чудо, когда “последние станут первыми”. И признание этой возможности позволяет пережить кризис, найти в себе силы преодолеть трудный период и сохранить мировоззрение победителей у нации, которая помнит свои прежние победы и чтит своих героев.

Ремифологизация становится основой для нового прочтения отечественной истории и видения – вопреки сложившимся социально-экономическим условиям – позитивных перспектив. Тем самым духовно-нравственные установки, архетипические образы “русского чуда” и религиозные предчувствия социальных метаморфоз превращаются в действующий политический фактор.

[К Содержанию](#)

Политика как конфликт

Древнегреческие философы понимали политическую науку как знание о правильном и мудром правлении. Средневековье подхватило эту установку, а в идеях Макиавелли “технизировала” ее до уровня универсальных рекомендаций, произвольных по отношению к ценностям и личным качествам правителя. Ценности оказались отделенными от управленческой эффективности, должное - от сущего. Главным содержанием политики становится борьба за власть, понимание политического приобретает конфронтационный смысл. Ключевым понятием политики определяется именно Власть.

Продолжая интеллектуальную традицию Нового времени Макс Вебер определяет политику как лидерство государственного аппарата или влияние на это лидерство (или шире – как самостоятельное руководство политическим союзом). Политика означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти. И здесь должное уже не просто отделено от сущего, а замещено им – реальной картиной политики, в которой есть конкуренция, конфронтация, борьба. Также и у Маркса политика как борьба классовых интересов принципиально конфронтационна, а государство – лишь средство этой борьбы. Ключевым понятием политики остается Власть.

Из древнегреческой традиции следует, что условием политики является свобода, ибо государство – союз свободных людей. Свобода не абсолютизируется – она лишь условие политики, а политика – лишь средство. Целью же является Благо. Впоследствии европейская мысль поставила в центр понятийной схемы свободу, превратив ее в цель политики, а в практическом осуществлении ценностей свободы оказалось, что целью становится уже само средство – технические решения (власть), ситуативно понятая необходимость.

Понятие политического не может увязываться с другим единственным понятием, что просто замещало бы его. Поэтому когда древние греки вели речь о Благе, они знали о процессах, препятствующих его утверждению. Точно также к понятию о власти парным становится понятие свободы и складывается их оппозиция - стеснение и противодействие стеснению (с целью наложения стеснения на стеснителя – прежде всего, на государство). Затем уже и самому властному стеснению отказывают в праве назваться политическим, и только за свободой от государства западная мысль признает действительно политическое содержание.

Прессинг средств массовой информации, осуществляемый по законам жанра современной коммуникации, чрезвычайно утомляет гражданина конфликтами и трагедиями. Оттого возникают пожелания вовсе убрать из жизни конфликт и трагедию, а политику организовать исключительно как процесс поиска компромиссов и консенсусов. Таким образом легализуются антисоциальные, антинациональные, антигосударственные идеологии, которые допускаются в политику в порядке плюрализма и на условиях соблюдения некоторых формальных правил “политической корректности”. Разнообразие мнений оказывается пестрым ковром, скрывающим от общества яростную борьбу за власть. Публичная политика, лишенная конфликта вокруг принципиальных вопросов, превращается в фикцию “общественного согласия”.

Неконфронтационное понимание политического оборачивается выделением в политике определенной системы, в рамках которой объявляется достижение общих целей или общего блага. Подспудно предполагается, что есть нечто, препятствующее общим целям, - другие общества, другие политические организмы. Но их признают участниками политики только если они готовы присоединиться к тем, кто уже достиг консенсуса. (Понятно насколько конфронтационным при этом будет “неконфронтационное” понимание политического!)

Если в консервативная линия в политологии продолжает видеть в политике конфликт и конфронтацию, то либеральная политология в целом стремится дать свое понятие политического, возвращаясь к должному. И удаляет из понятия политического

конфликт, а с ним – государство и власть, принципиально неспособные приблизиться к либеральному идеалу, умертвив себя в угоду либеральной догме. Таким образом, либеральная политология становится источником новой социальной утопии, псевдорелигии.

Введение символики свободы в понятие политического (политизация свободы или либерализация политики) означает деполитизацию мышления, департизацию политики и превращение политических институтов в фикцию, используемую денационализированной бюрократией, а научных понятий – в обыденные метафоры. В случае введения символики справедливости, деполитизация мышления, очевидно, остается, но политика как раз становится партийной и система управления политизируется, становясь частью партии – фиктивным становится мировоззрение, подменяемое омертвевшей и застывшей идеологией. Оба случая – скорее уж не логика, а политика, политическая позиция, намеренная прикинуться безопасной и объективной логикой.

Консервативное понимание политического центральным понятием полагает нацию, от которой “вширь” развиваются разнообразные оппозиции с другими нациями, в “вглубь” оппозиции между национальными и антинациональными, государственными и антигосударственными силами. Здесь логика и политика совмещаются в одно целое, и понимание политического вполне логично. Логика политики, в то же время, отличается от логики политической науки. Логика политики – оперирование политическими мифами.

Логика консенсуса и сотрудничества в политике отражает непонимание политического. В интегральной, расширительной схеме толкования политического конфронтационная “логика” говорит о сущности и понимании политического. Когда же речь идет о модели сотрудничества и сосуществования, понимание утрачивается. При этом непонимание политического начинает играть особенную роль – оно усиливает конфронтационность ввиду неведения диспозиции сил, незнания “своих” и “чужих”, ввиду попыток выдвигать для тех и других одни и те же этические доводы, ввиду утраты представлений о ведущих политических субъектах и особенностях их функционирования.

К политическому мы должны отнести такие черты, которые объект нашего внимания приобретает в результате острого конфликта, непременно приобретающего публичное выражение, и доведенного до такой стадии, в которой этические претензии предъявляются уже не к идеям, а к личностям или политическим субъектам. Причем эти претензии выражаются на языке политических ценностей (национальное и антинациональное, государственное и антигосударственное; в ином идеологическом наборе – ксенофобия и солидарность, авторитаризм и демократия и т.д.), действующем в сюжетно оформленной политической парадигме – политическом мифе. Именно миф обеспечивает этическому противостоянию долговременность и системность. Но миф становится политическим, только если проистекает из политического класса, который и определяет уровень политического сознания масс. Миф масс – ничто без магии вождей.

Война – квинтэссенция политического. Можно сказать, что политика – всего лишь сублимированная война, что политика ищет иные методы уничтожения врага, когда запрещено применять открытое насилие. Только в кризисном обществе воинская служба становится аполитичной – поскольку нация забывает себя, утрачивая представление о собственных врагах. Если у нации нет врагов, то близится ее конец. А до того – конец армии. Вместе с тем, армия как институт является последним аргументом политики, единением нации, и в этом смысле в армии не может быть партийных страстей. Иначе партийная склока ломает государство, призванное ограничить открытое насилие и учредить политическое как таковое в рамках государства.

Есть ли сферы жизни принципиально неполитические? К таковым относятся все частное, интимное. Например, любовь к ближнему, любовь к Богу. А также все, что предполагает искреннее сотрудничество. Например, научное творчество, даже если оно совершается через спор. Или производственный процесс, труд как таковой. К неполитическому относятся все, что объявляют конфронтацию подлежащей

систематичному изживанию. Бесспорно, вне политического следует мыслить религию, традиционную семью, точные и естественные науки. Политического нет и в социальных науках, пока та или иная тема, поднятая учеными, не стала предметом обсуждения и публичного столкновения интересов. Политического нет в военной стратегии и не должно быть в управлении войсками. Пока есть консенсус в восхищении или равнодушии, аполитична и культура. Если же культура делит людей на группы, расходящиеся в своих оценках к полюсам “безобразное”/“прекрасное” и публично объявляющие эту оппозицию, политика проникает и сюда. В нормальном состоянии культура аполитична, когда она – классика, а смыкается с политикой только в авангардистских экспериментах. В целом сфера обыденного также является неполитической, даже если в ней присутствует повседневное чтение политических газет и просмотр политических телепередач. Обыденность носит непременно частный характер. Только разрыв обыденности ведет индивида к участию в политическом процессе – там, где обыденность нестерпима.

Понимание политического означает определенный выбор – требование не пустить политическое туда, где его заведомо не должно быть; регламентировать его проникновение туда, где оно может появляться от случая к случаю; наконец, не выпустить политического оттуда, где без него жизнь фальсифицируется и увядает. Последнее особенно важно в условиях кризиса, когда политическое иссякает там, где оно должно быть, прежде всего – в представлениях нации о самой себе и собственном государстве, в представлениях о своих интересах и средствах защиты собственной безопасности.

Политическая схватка между сторонниками различных концепций достигает определенной интенсивности и тем самым становится фактором политики. Но в какой момент чисто научная публикация приобретает политическое звучание? Только тогда, когда она организует группу “своих” и “чужих” и интенсивное противостояние между ними. Напряженность противостояния производит политическое как только оппонирующие группы начинают добавлять в полемику этические оценки – это как раз и означает, что необходимая интенсивность противоположности достигнута, и аргументация уже работает не на понимание между оппонентами, а на противостояние. Но политика идет дальше – от этического неприятия противника к обвинению его в умственной неполноценности. Потом дело доходит и до физического отвращения к врагу – враг всесторонне безобразен и является как бы подделкой под человека. Разрешенный конфликт, выявивший победителя, возвращает противостоящим сторонам человеческие черты – победитель оказывается уже потому прав, что победил, поверженный вновь обретает человеческие черты уже потому, что был в состоянии противостоять победителю.

В неполитических сферах жизни привлечение этических категорий означает вполне возможное приобретение предметом нашего внимания политических характеристик. Для того, чтобы выражать именно политическое, этические нормы должны представляться, во-первых, в определенной системной форме, во-вторых, прилагаться не только к какой-то конкретной ситуации, но иметь определенную “историю”. Только тогда получается, что плох не аргумент “врага”, а сам “враг”, все аргументы которого систематически не выдерживают критики. “Враг” становится элементом “картины мира”, а не причиной случайного раздражения или стычки.

[К Содержанию](#)

Политика как столкновение идеологий

Чрезвычайно опасно расхожее мнение, что идеология подменяет собой религию, а значит – подрывает основы общественной нравственности. Стоит согласиться лишь с тем, что такие идеологии имеют место. Но есть и другие идеологии – те, что исходят из традиций, включая религиозные, а значит, ставят веру впереди политики, а политику одухотворяют пониманием ее духовно-нравственных аспектов.

Стоит также согласиться с тем, что политика в современном мире отвлекает от религии и создает множество поводов для подмены религиозного духа политической чувством. Партии требуют веры в свои программы почти религиозного характера, эксплуатируя разорванность сознания современного человека. Но это полбеды. Вслед за партиями остатки религиозного чувства начинают подбирать СМИ, которые потом и вовсе отгесняют партии от формирования чувства единства людей, подменяя относительно устойчивый партийно-политический миф иллюзорным единством хаотизированных рассудков, воспринимающих политику в основном в изложении профанов из журналистского цеха.

Казалось бы, отвращаясь от партий в пользу самостоятельного политического выбора, современный человек в определенной степени деполитизируется. На самом же деле эта деполитизация есть, прежде всего, денационализация, деидеологизация и продолжение отхода от практики мышления в пользу переживания впечатлений. Общие воззрения теряют политическое измерение, зато политикой начинают называть совершенно лишнюю идеологию и совершенно безответственную предвыборную пропаганду. В этой связи «партизация» была бы позитивным процессом, который ставил бы барьеры на пути превращения граждан в марионеток, в объект «промывания мозгов». Но под «партизацией» у нас все больше понимают диктатуру закулисных сил, а вовсе не свободную конкуренцию идей, сплывающих группы вокруг того или иного политического мифа. Фактическая однопартийность (верность всех партий политической закулисе) – это и есть департизация, оборотной стороной которой является захват политического сознания профанной журналистикой.

Ясно выраженная партийная идеология отражает мировоззренческий выбор и определенный тип мышления. По типам мышления политические идеологии можно разделить на три ветви: либерализм, социализм и консерватизм. Попытки смешать эти идеологии и создать идеологию консенсусного типа или смешанные доктрины, заканчиваются плачевно – набором банальностей.

Политики и политологи, допущенные к газетным страницам и микрофонам теле- и радиоэфиров, толкуют нам о необходимости общественного согласия, консенсусах и плюрализмах. Одновременно против нашей страны ведется самая свирепая война с участием этих самых политиков и политологов, взывающих к гуманизму и смирению, но поучающих деньги от разного рода банд зарубежных и доморощенных политических потрошителей.

Настойчивость, с которой нас призывают к смирению перед лицом национальной катастрофы, перед возможностью полной утраты связи нынешнего поколения граждан России с предшествующими поколениями, с тысячелетней русской культурой, говорит не столько о цинизме этого многотысячного отряда проповедников, сколько о несоответствии их образа мысли целям России, несоответствии их мировоззрения мировоззрению национальному. Они могут обманывать (как Ельцин, говоривший, что ляжет на рельсы, если цены будут подниматься, а уровень жизни снижаться), но они бывают и правдивы, как правдив, скажем Чубайс или Гусинский. Они последовательны в своих действиях, они откровенны, как, скажем Кох, поразивший всех своим русофобским цинизмом. Они практически не скрывают ненависти к нашей стране и беззастенчиво смотрят на нее как на механизм, который можно перестраивать, реформировать, изготавливая из него некое изделие, которое будет соответствовать их представлениям о целесообразности. Они могут говорить об «общечеловеческих ценностях», но никогда не будут исходить из запросов конкретного человека. Они таковы – любовь к ближнему для них не существует. Они предпочитают любить кого-то далекого – например, чеченских бандитов, выступая в столичных залах с требованием вести с ними переговоры или жалуясь мировому сообществу на несправедливость нашей страны по отношению к изменникам и нравственным дегенератам.

Даже те, кто особенно не задумывается о причинах бедственного положения нашей страны, все-таки не могут не видеть, что большинство публичных деятелей в чем-то не такие как все остальные, что-то в них устроено совсем иначе, чем у среднего русского человека. Объяснение этому достаточно простое. В современном мире присутствует несколько основных типов (стилей) мышления, и один тип мышления оказался наиболее приспособлен к тому, чтобы иметь личный успех на фоне всеобщего разрушения, получать огромные доходы при развале экономики, занимать высшие посты в государстве при разложении государственности и уничтожении элементарного порядка в системе управления. Этот стиль мышления мы называем либерализм. Другой тип мышления – прямо противоположный своему – они до такой степени ненавидят, что предпочитают не говорить о нем.

Для либералов удобнее всего обрушиваться на коммунистов. У тех и других единый источник вдохновения – идеи французского Просвещения. А вот для тех, кому эти идеи противны, либералы в современной России полностью перекрыли доступ в средства массовой информации, полностью заблокировали какие-либо возможности организации значимых политических объединений. Потому что либералы знают, что русские консерваторы – самые последовательные их враги, которые имеют принципиально иной тип мышления, которые по всем основным мировоззренческим установкам готовы биться с либералами насмерть.

Современная Россия, оживая от последствий либеральной живодерни, обращается к консервативным, традиционным ценностям, русский народ постепенно начинает различать среди политиков своих врагов; элементарные представления о справедливости восстанавливаются в своих правах. Именно поэтому мы подходим к этапу коренной переоценки ценностей, навязанных нам либералами, разорвавшими страну в течение полутора десятилетий. Если хватит у нас смелости оспорить все «самоочевидные» истины, Россия получит ясное, разработанное поколениями русских мыслителей мировоззрение, а вместе с ним – стратегию русского прорыва, русского успеха в новом тысячелетии.

Конфронтационность политики требует бинарной оппозиции: политический враг должен выступать как единый субъект, пусть даже и расколотый организационно, но единый в своей мировоззренческой позиции. В каждый исторический период возникает собственная парная консолидация, противопоставляющей две союзнические идеологии одной враждебной. Иногда их начинают называть “левые” и “правые”, что сильно усложняет понимание сущности идеологического противостояния. Избавиться от недоразумений с “левыми” и “правыми” можно только соотнося современные идеологии с изначальным пониманием левого/правого. Тогда “левыми” будут либералы, социал-демократы, социалисты, коммунисты, анархисты, а правыми – консерваторы, традиционалисты, монархисты, националисты-государственники и даже фашисты.

Быстрое преобразование марксистской школы обществоведения в либерально-западническую показывает их близость и привязанность к общим (“левым”) заблуждениям. Общий их источник – утопические идеи эпохи Просвещения. Разница же между ними состоит в том, что классический либерализм (Вольтер, Монтескье и др.) отождествлял свободу с личной безопасностью и независимостью индивида от произвола властей. Социализм же предпочитал задержаться на дуализме свободы и равенства, а в марксизме – абсолютизировать идею равенства как воплощение высшей справедливости. Равенство или безопасность должны обеспечить разворачивание принципа свободы и при этом снять конфронтацию, убрать образ врага или заставить врага исчезнуть (что, правда, грозит потопом конфронтаций - враг становится несовместимым с “картиной мира”). Совершенно иная правовая и ценностная система складывается в традиционном мировоззрении, где религия и авторитет регламентируют политику, обращаясь к понятию “свобода” далеко не в первую очередь, придавая понятию “равенство” вовсе не социальный, а духовно-нравственный смысл.

Либеральная идеология относит понятие свободы только к личности и именно личность рассматривает как носитель политического. Личность должна перехватывать у государства политическое, конвертируя ее в различные федеративные образования – внегосударственные и вненациональные. Консервативная традиция видит коллективистские модели свободы, прежде всего, связанные с реальностью нации, для которой свобода есть коллективный выбор своего исторического служения (а вовсе не “общественный договор” Руссо). Социализм сохраняет коллективистский выбор, но в безнациональной, безрелигиозной и внеисторической форме. В характере этого выбора социализм тождествен либерализму, а потому в глубинной своей основе союзен ему. Только конкуренция в борьбе за власть сталкивает социалистов и либералов, в то время как их политические концепции, по существу, совпадают.

Как и либерализм, социализм внеисторичен хотя бы потому, что игнорирует принцип, известный еще от Платона и Аристотеля: равное для равных, неравное для неравных. Равенство для неравных - явная несправедливость. Правовое равенство - вовсе не равенство персон, а лишь равенство прав/обязанностей в одинаковых диспозициях (правовых ситуациях). Развитие права связано с умножением диспозиций, а значит - с актуальным неравенством (выявляются неравенства по все большему числу ситуаций). Чтобы чувствовать себя равноправным и свободным, человеку достаточно выбрать диспозицию со знанием неизбежно и однозначно следующей за ней санкции (или новой диспозиции) и неизбежного неравенства в сравнении с теми, кто избрал другую диспозицию. Разумеется, не всякому дано освоить любую диспозицию - в силу природных задатков и воли других людей. Соответственно и политическая нация не может быть сообществом равноправных граждан. Нация в консервативном понимании есть иерархия, в которой на каждой ступени присутствует свой смысл служения, соотношенный с общим служением (миссией) нации. Тем более, имперская нация, свойственная российской исторической традиции, требует разветвленной иерархии статусов, различающих культурные и геополитические периферии вокруг национально-государственного русского ядра.

Полагая нацию ключевым понятием для определения политического, мы избегаем тавтологических комбинаций этических понятий и бесплодных рассуждений об их взаимоотношениях. Нация всегда имеет конкретное выражение, и, скажем, ее свобода также может обсуждаться как вполне ясная политическая задача. Кроме того, нация всегда имеет внутреннее и внешнее измерение (сущность конкретной нации и отношение к иным нациям) – чего не скажешь о свободе в либеральном понимании. Если, конечно же, не касаться антигосударственной направленности теории либерализма, которая имеет либо исключительно внутреннюю направленность (против своего государства), либо исключительно внешнюю (в качестве экспортной идеологии). Нация всегда конфронтациона в отношении иных наций; она выражает некоторую исторически индивидуальную идею государства. Свобода требует от любого государства универсального компромисса, нация – только компромисса среди “своих” против “чужих”. Нация – это внутреннее обязывание, требующее внешней свободы.

В концепции политической свободы подразумевает универсальную ценность частного индивида, который всегда скрывается за понятием “свобода”, когда о частном говорить неудобно - проще подменять защиту частного интереса игрой этическими понятиями. Либеральная автономия личности реализуется как неполная форма ответственности (или в пределе - полная безответственность). Ей отвечает политика “сниженного” уровня и федералистского типа – терминологически миролюбивая, призывающая к деполитизации (и прежде всего, к деполитизации экономики, которая рассматривается как обособленная сфера жизни со своими нормами поведения). Национальная консолидация, напротив, выдвигает на первый план ответственность личности, а этическую свободу считает частным и исключительно неполитическим состоянием, духовной ценностью.

Нация – ядро понятия политического, поскольку деполитизируясь нация мгновенно исчезает. Нация осуществляется только политически. Чего не скажешь о государстве, которое способно существовать в формах самой унижительной зависимости – в условиях иллюзии суверенитета. Но в то же время государство сохраняет потенциальную возможность нации, превращения подданства в гражданство. Поэтому в иерархии понятий государство ниже нации, но выше всех прочих политических институтов. Пока есть хотя бы минимальные признаки государства, есть надежда на будущий суверенитет, на национальное возрождение.

Этические нормы могут стать элементом политики, будучи используемы противостоящими политическими группами. Но сами по себе этические нормы – достояние нации. Ими создаются рамки политики, в которых неизбежная конфронтация групп не разрушает национального единства. Если же исключить понятие нации, этические нормы оказываются формой деполитизации мышления и разложения политической прагматики – они заставляют уступать абстрактным соображениям, позволяя человеку чувствовать себя сиюминутно порядочным, отстраняясь при этом от последствий этой “порядочности” для нации. Последовательно проведенная политическая философия свободы всегда доходит до осуждения нации. И это снова подталкивает нас к тому, чтобы понимать политику именно через нацию.

Слабость либерального проекта в том, что единственный шанс его выживания – недвижность России. Именно поэтому либералы делают все, чтобы не состоялся экономический рост, чтобы не было никаких прорывов ни в одной области жизни – а одна только “системная работа во многих направлениях”. Любое движение России тут же заставит переписать всю повестку дня мировой политики. И тогда конец либеральной догме и возвышенным волной нигилизма политикам. Тогда конец их хозяевам – олигархам и негодным чиновникам.

Отрицание нации в угоду частной свободе носит, бесспорно, политический характер и отражает вполне определенный проект будущего человечества – это федералистский проект, согласно которому национальные сообщества надо сначала полностью раздробить, а потом предоставить атомизированным индивидам самопроизвольно (а на самом деле – в соответствии с настойчивыми советами современных «гуманистов») ассоциироваться, забыв о нации.

Противоположный проект должен соединить свободу и нацию – политическим будет в этом случае не то, что связано со свободой, и даже не то, что связано с борьбой за свободу, а то, что связано с борьбой за свободу нации. У нации есть “свои” и “чужие”. Но в свете того, что некие силы объявляют себя вненациональными, а своей целью - всеобщую ассимиляцию и деполитизацию государства, это следует воспринимать как агрессию “чужого” против “своего” - как посягательство на собственную нацию.

Национальный проект России в современных условиях обозначается только как ответ на либеральный и социалистический гуманизм и соответствующие им проекты национального расслабления – в первом случае за счет низложения и приватизации государства, во втором – за счет его бюрократизации и разорения популистскими подачками. Консерватизм, напротив, требует самой решительной мобилизации, концентрации ресурсов для проекта национального прорыва и выхода из бесперспективного состояния. Адекватные меры для Русского прорыва, бесспорно испугают тех, кому государство кажется анахронизмом, а нация – лишней сущностью.

[К Содержанию](#)

Переоценка ценностей

Самый простой и надежный путь осмысления разграничительной линии между «своими» и «чужими» - анализ «священных текстов» наших очевидных врагов. Сегодня русофобы больше всего обращаются к действующей Конституции.

Конституцию РФ в 1993 году, когда ее принимали, практически никто не читал. Потом выяснилось, что она никуда не годится, поскольку не дает нормально работать высшим органам власти и стимулирует сепаратизм. Неудачи в Чеченской войне, паразитизм Татарстана, Башкирии, Якутии и других «внутренних республик» – прямое следствие положений этой Конституции. Но конституционная проблема в другом. В Конституции изложены те мировоззренческие установки, которые калечат законодательство в целом, превращают законы в пустые бумажки, а деятельность парламента – в форму тунеядского времяпрепровождения. Таковы установки, введенные в преамбулу Конституции и первый ее раздел – «Основы конституционного строя».

Преамбула говорит каждому гражданину нашей страны, что он живет в многонациональной стране, в то время, когда реально нация в России одна – русская, когда по всем меркам наша страна единонациональна – страна русской нации и живущих с нею рядом дружественных народностей (национальных меньшинств).

Мы видим ложь в первой же строке Основного закона, которая дает право этносепаратистам резать нашу страну на свои феодальные уделы. Ведь Конституция исходит также из «общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов», а значит русский народ, создавший Россию и составляющий более 85% населения ставится на одну доску с малыми народностями.

Конституция в условиях войны против русского народа говорит нам об утверждении прав и свобод человека, о гражданском мире и согласии. Таким образом, этот документ лишает нас право оказывать сопротивление изменникам, заполнившим государственный аппарат, преступникам, обчищающим государственную казну, и вместо решения конкретных задач следовать абстрактному либеральному принципу «прав человека».

В условиях интервенции, которую осуществляет мировое сообщество против нашей страны, используя самые совершенные методы ведения информационных войн, разложения «штабов» управления, угнетения национального мировоззрения, Конституция говорит нам о признании себя (то есть «многонационального народа») частью мирового сообщества. Иными словами, Конституция прямо и откровенно свидетельствует о том, что Россия капитулирует, о том, что наша страна, отбив десятки самых страшных интернациональных нашествий в прошлом, сдается перед нашествием, лишь слегка закамуфлированным заявлениями о стремлении к дружбе и сотрудничеству.

Вся первая глава Конституции «Основы конституционного строя» – сплошная ложь. Ни один пункт из всего, что записано в ней, никогда не исполнялся. Потому что каждый из заложенных в Конституцию принципов может быть отнесен только к совершенно безответственному человеку, который озабочен только личным успехом. Он будет добиваться «прав и свобод человека» лично для себя, угнетая всех остальных, он будет считать себя вправе от имени народа осуществлять «народный суверенитет», не желая знать, на чем все-таки основано народное самосознание. Либерал с Конституцией в руках будет считать, что он разоряет страну по закону, и тем самым народ через него будет «осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления».

Россия в течение сотен лет была православной страной, и Православие было религией, обуславливающей нравственность власти. В Конституции декларируется невозможность государственной религии, а значит – тотальная безнравственность власти, возможность для чиновника не служить стране, а пользоваться своим положением в личных целях, не имея никаких представлений о высших смыслах бытия. В тоже время мудрость древних гласит: «Церковь и государство суть два божественных дара человечеству, два порядка вещей, вытекающих из единого источника – из воли Божией, их учредившей. Послушные воле Божией, эти два порядка должны быть в полном согласии между собой. Церковь ведает делами божественными, небесными. Государство – человеческими, земными. В то же время государство всемерно печется о хранении

церковных догматов и чести священства. А священство вместе с государством направляет всю общественную жизнь по путям, угодным Богу» (Кодекс Юстиниана).

Вся вторая глава Конституции «Права и свободы человека и гражданина» – сплошная ложь. Она ссылается на «общепризнанные принципы и нормы международного права», пренебрегая русской историей, национальным мировоззрением, национальной безопасностью. Она ссылается также на «право от рождения», пренебрегая вековой традицией приобретения прав за службу, за верность Отечеству; она признает идеологическое разнообразие, давая жизнь самым извращенным, антинациональным доктринам, закрывая глаза на ущемление русской философии, русской социальной науки в угоду западническим мировоззренческим стандартам. Даже сама возможность национально-государственной идеологии, без которой не живет и не может существовать более или менее долго ни одно государство, Конституцией отрицается.

Конституция утверждает, что все равны перед законом и судом. На деле это положение превращается в преимущества для преступника и предателя, который пользуется судебной процедурой, чтобы уйти от ответственности. Нам навязывают представление о независимом суде, которого нигде и никогда не существовало. И создают иллюзию эффективности суда уже по одной лишь причине его действий в соответствии с законом, который этот же суд может трактовать, как ему угодно.

Записано, что достоинство личности охраняется государством. В действительности по Конституции личностями у нас являются только крупные государственные чины, подающие в суд на журналистов. Все остальные живут по другим правилам. Обличение коррупционера теперь является формой экстремизма и подлежит уголовному преследованию.

Зафиксировано, что можно изменять свою национальную принадлежность и скрывать ее. Следствием становится запрет на указание своей национальности, а значит – ущемляются права русских называть себя русскими в своей собственной стране и отличать «своих» от «несвоих». Право выбирать язык общения, воспитания и обучения приводит к полному произволу, а потом – к искоренению русского языка и его угнетению в угоду малым народностям. Система образования уже позволяет, скажем, в Башкирии насильственно обучать русских детей башкирскому языку – мертвому языку меньшинства населения самой Башкирии.

Декларированная свобода совести (свобода вероисповедания) становится свободой бессовестности, свободой отправлять на территории России сатанинские культы или нетрадиционные религии, замутняющие народное сознание. Вместо традиционных для России Православия, Ислама и Буддизма (в естественном соотношении примерно 1000:10:1) внедряются иные конфессии и секты, захватывающие духовное пространство нашей страны. И все это – по Конституции.

Декларированная свобода мысли и слова становится безобразным произволом, правом пропагандировать в СМИ всякого рода пакость, подрывать традиционные нравственные устои, выдавать безграмотность и сквернословие за полет мысли, картавость и пошлость – за творческое своеобразие, пропаганду антигосударственных и антинациональных идей – за конструктивную критику. И вся эта гнусность защищается Конституцией, исходя из принципа запрета цензуры. (Заметим, что «золотой век» русской литературы связан как раз с подцензурным существованием, а современная импотенция «творческой интеллигенции» - с полной свободой.)

Перечислить все мерзости ельцинской Конституции просто не представляется возможным. Но вот чем следует заключить этот краткий обзор, так это утверждением о глубоком родстве либеральной и советской Конституций. При всем различии в системе госуправления они полностью тождественны в декларации системы ценностей, отвергающих Традицию.

Либералы говорят, что наши права заканчиваются там, где начинаются права другого. В действительности их права (людей с либеральным типом мышления) ничем не

ограничены, потому что не имеют под собой нравственной основы, а переведены на почву экономических калькуляций «выгодно - не выгодно». Консерваторы говорят, что свобода индивидуума – это обман, действительно свободным может быть только органическое социальное единство, а свобода личности – ничто перед свободой и задачами развития нации. Либералы ради свободы одного готовы пожертвовать свободой государства, а значит – свободой и достоинством многих. Консерваторы готовы предоставлять отдельной личности дополнительные возможности только в меру служения общим интересам.

Либерализм понимает свободу как явление экономическое, распространенное на все прочие сферы жизни. В результате, якобы, происходит освобождение индивидуума от государства - те же марксистская мечта о «царстве свободы». Не случайно формальное равенство (по норме закона) и реальное преимущество худших представителей общества (по норме либерального режима) становится дополнением к принципу свободы.

Для либерала государство – первый враг, а содержание истории видится как непрерывная борьба личности против государства. «Золотой век» для либерала – не век расцвета культуры, а век распада и разложения. Десятилетка ельцинизма для либералов – самое счастливое время. Для консерватора это катастрофа. Либерал радуется краху Римской Империи, Российской империи («тюрьма народов»), СССР («империя зла»); консерватор сопротивляется разрушению государства. Либералам нужны великие потрясения, консерваторам – великая Россия.

Либерал опирается на идею «естественного права» (разумеющихся для каждого прав вне зависимости от качества «человеческого материала»). Они прославляют все «естественное» (то есть животное в человеке), ратуют за неотъемлемые права человека (жизнь, свобода, собственность, право сопротивляться тирании и т. д.) и всеобщую правомочность каждого индивида, считают обоснованием общества доктрину общественного договора и суверенитет народа и из этого пустого принципа выводят применимость абстрактных законов для любых исторических общностей и любых исторических периодов (оттого либералы никогда не выигрывали войны). Для них важна не реальная жизнь, а принцип: лишь бы рынок был, а там пусть хоть все сдохнет!

Зафиксируем несколько принципиальных расхождений консервативной и либеральной доктрин:

1. Проект воссоединения России. Либералами он понимается только как стремление к силовой оккупации бывших союзных республик, в крайнем случае – как непомерные и непосильные имперские амбиции. Консерваторы же понимают, что воссоединение Русского мира должно произойти не только в сознании, но и в естественных территориальных границах русской цивилизации. Освоенное русскими пространство должно управляться одним законом. Все ресурсы пространства должны быть направлены на благополучие русских людей. И главное – нужно сосредоточить все ресурсы на решении ключевых национальных задач. Только тогда будет предотвращен дальнейший раздел России. Консерватору ясно, что геополитический “обмылок” РФ нежизнеспособен. Поэтому территориальный вопрос для русских – вопрос жизни и смерти.

2. Проект национальной диктатуры. Либералы боятся любых ограничений придуманных ими свобод. Любой режим чрезвычайного положения кажется им полным крушением “демократических завоеваний” и мечты о либеральном царстве свободы. Консерваторы же, при нелюбви к эгоизму тиранов, видят в ужесточении режима власти путь к изживанию измены в обществе и государстве. Монархический принцип требует самодержавного правителя, диктатора – предтечи русского православного Государя.

3. Проект воссоздания национального достояния. Либерал, приверженный идее священности частной собственности, отождествляет любой передел собственности с гражданской войной. Он не желает видеть бандитского передела, идущего у него на глазах, не желает восстановления традиционных отношений предпринимателей и

государства. Консерватор понимает неизбежность такого передела собственности, который изымает у вора украденное и помещает вора в тюрьму. Олигархический режим противен консерватору, а потому консерватор будет всегда выступать в союзе с малым и средним предпринимателем против назначенных прежним режимом олигархов и обслуживающих их бюрократов. Консерватор не против частной собственности и точно знает, что олигархическая собственность – не частная и не является капиталом, работающим над увеличением прибыли и национального достояния. Олигархи предельно неэффективны для экономики. Их мнимая эффективность возникает за счет крошечной неэффективности системы хозяйства страны, насажденной ими в эгоистических целях.

4. Проект воссоздания национального самосознания русских. Либералы называют это возбуждением межнациональной розни, русским фашизмом и даже расовыми предрассудками. Консерваторы, напротив, видят, что национальное самосознание – средство самосохранения нации. Невозможно терпеть ситуацию, когда русские – желе, в котором плавают айсберги “малых народов”. Консерваторы прекрасно знают, что русская солидарность равна русской социальности – сети русских социальных и экономических корпораций. О прочих интересах можно говорить только когда защищены русские интересы. А они могут быть защищены только обособлением этих интересов от интересов денационализированной публики и антинациональных этнических группировок.

5. Проект национализации массовой информации. Либерал считает, что это наступление на свободу слова. Консерватор – что это пресечение свободы сквернословия и разращения национального духа. России нужна русская информация, создающая русские смыслы. Поскольку результат в политике обусловлен не только качеством идей, но и размахом их тиражирования и трансляции, русский прорыв может быть обеспечен только при условии ликвидации антинациональной журналистской корпорации, захватившей ведущие СМИ. В этих условиях свобода СМИ – это не гражданская свобода, а корпоративная привилегия, предоставленная враждебным русскому делу элементам.

Мы различаемся во всем. Они говорят: Экономика, мы говорим: Культура. Они говорят: Закон, мы говорим: Справедливость. Они говорят: Разум. Мы говорим: Воля. Они говорят: Принцип, мы говорим: Жизнь. Они говорят: Человечество, мы говорим: Нация. Они говорят: Я, мы говорим: Мы. Они говорят: Человек, мы говорим: Бог.

Для консерватора общество – не механизм, воплощающий в себе какой-то универсальный принцип (например, «правовое государство»). Общество – это организм с вполне конкретной предысторией и текущими задачами, с духовным содержанием и историей духовных исканий.

Государство и нация для консерватора – не сумма граждан и институтов, они – воплощение «народного духа», замысла «небесного архитектора».

Консервативное мировоззрение должно быть основано на следующих политических задачах:

- сохранение целостности нации, ее исторического и культурного достояния, уникальности, традиций вопреки тотальной унификации и стандартизации «единой Европы»;

- жесткий пограничный контроль всей товарной и информационной массы, проникающей в нашу страну, обеспечение культурной самостоятельности и сохранение уникальности русской цивилизации;

- воспитание в обществе героического культа вместо культа силы, идей благородства и самосовершенствования вместо порнографической попкультуры, воспитание дисциплины вместо произвола и своеволия.

Наша демократия ни в коем случае не должна быть последышем философии Просвещения. Наша демократия должна быть основана на древнем понимании демократических процедур – прежде всего на ее цензовом характере, который призван осуществлять элитный отбор, давать преимущества лучшим представителям общества.

Античная традиция цензовой демократии в современных условиях предполагает:

- приобретение гражданства не по рождению, а за службу и благонадежность;
- недопустимость двойного гражданства, означающего ущемление прав своего демоса, в пользу чужого;
- недопустимость признания прав варвара (иммигранта, бомжа, врага собственного демоса), которое означало бы попрание прав каждого гражданина и всего демоса;
- преступник, даже отбывший наказание не может и не должен получать всей полноты гражданских прав, если он полностью не реабилитирован судебным решением.

Основных цензов четыре: возрастной (преимущества активному возрасту 25-55 лет), образовательный (иерархия преимуществ в зависимости от образованности), имущественный (преимущество тем, кому «есть что терять», но не кучке олигархов и не бомжам) и ценз оседлости (преимущество тем, кто включен в стабильные социальные связи местного уровня). Они дополняются семейным цензом (полнотой прав обладает только глава семьи, в которой растут дети) и цензом отношения к воинской службе (полностью правоспособен только военнообязанный, несущий тяготы, связанные с обороной страны и воинской учебой).

Вслед за И.А.Ильиным мы должны противопоставить либеральным принципам (культ равенства, государство как уравнилельное всесмещение, пафос избрания угодного, культ независимости, принцип конкуренции, принцип коалиции «свободных граждан» против главы государства, культ личного успеха, карьеры, культ новаторства...) консервативные ценности (культ ранга, государство как семья, пафос верности, культ чести, заслуги служения, культ традиции...). Основополагающие моменты идеи русского возрождения России должны быть: консерватизм (традиционализм, русизм, корпоративизм, технократизм) и реваншизм (оптимизм, культурный и технологический экспансионизм, милитаризм). Что же касается политической стратегии, которая должна настроиться на соответствующую концепцию, подкрепить ее социальным базисом, то эта стратегия связана с охранительными идеями - удержать территорию (в перспективе - вернуть себе всю историческую Россию), восстановить демографический потенциал русской нации, сохранить русскую культуру, вернуть себе позиции в мировой цивилизации (в науке, культуре, экономике).

Консерваторам нечего бояться – нынешнее положение смертельно опасно, любое другое положение дает шанс выжить. Поэтому не страшны ни диктатура, ни реквизиция собственности олигархов, ни закрытие большинства газет, ни отключение телевидения. Консерватора привлекает как раз то, что кажется врагам России чудовищным. Все “чудовищное” – в пользу России, все приемлемое для них – против России. Консерватор боится только гибели России, а потому расчетлив и осторожен, но не бездеятелен. Его решительность в понимании того, что “надо перегнуть, чтобы выпрямить”, что промедление и поиски консенсусов убивают решение проблем.

Традиционалист-консерватор отрекается от мира сего – от непригодного для жизни нации, от социального мира, мешающего служению нации во имя Божие. Он стремится отречься от безобразий социально-политического разложения. Акт отречения – это отказ поддерживать догмы нигилистического мракобесия. Он не монах, потому что не уходит в скит и несет на себе все бремя личного греха, с которым «в миру» бороться труднее, чем «в скиту». Национал-консерватизм требует образа собственного «Я», подобного не монашескому, но рыцарскому. Он склоняет к героизму, а не к затворничеству.

Мы должны переоценить все ценности, которые вбивались нам в голову десятилетиями, и признать их фальшивость, вредность для национального организма, несовместимость с задачами выживания и развития России. Для того, чтобы фальшивые ценности были отброшены, а страна спасена от исторического забвения, нужна невероятная концентрация воли государственных мужей и невероятная стойкость полноценных граждан – истинных солдат Империи. Только решимость отстоять нашу Традицию и обеспечить нескончаемую череду будущих русских поколений может придать смысл и достоинство нашему существованию

(конец ознакомительного фрагмента)